

**СЕРГЕЙ
ГАРИН**

БОРЬКА

Сергей Александрович Гарин

Борька

Аннотация

«И сегодня ночью Борька должен был ночевать на улице... Днем можно было ходить по трактирам и просиживать в биллиардных, коротая таким образом время, но ночью, когда трактиры закрывались, Борьке идти абсолютно было некуда...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Гарин

Борька

I

И сегодня ночью Борька должен был ночевать на улице... Днем можно было ходить по трактирам и просиживать в миллиардных, коротая таким образом время, но ночью, когда трактиры закрывались, Борьке идти абсолютно было некуда.

Такая жизнь продолжалась вот уже более недели, с того момента, когда отец – акцизный чиновник – выгнал Борьку, по настоянию мачехи, из дома.

Подготавливалось это давно. Отец Борьки женился вторично, на женщине грубой и властной, и для Борьки наступили нехорошие, полные слез, голодовки и побоев, дни. Мальчику было пятнадцать лет, учился он в реальном, но скверно, принося плохие отметки. За это его часто оставляли без обеда, ругали, били. Но последние два года и ругань, и даже побои на Борьку перестали действовать, и он стал относиться к ним, как к чему-то неизбежному и, даже, необходимому.

Так и не кончил Борька реального: из последнего класса его исключили за грубость инспектору... И когда дома узнали об этом, отец и мачеха сильно исколотили юношу, а затем отец, нахлобучив Борьке на голову фуражку, накинул ему на

плечи пальто и вытолкнул за дверь, запретив появляться когда либо на глаза.

Первым делом Борька пошел и продал за три рубля свое форменное пальто на толкучке... Приобретенных денег ему хватило дней на пять, и эти дни Борька был сыт, даже счастлив. Было радостно чувствовать себя совершенно свободным, ни от кого не зависящим, никому не отдавая отчета в своих действиях.

В первый же день Борька, в трактире, познакомился с каким-то комиссионером, проводящим свободные вечера в биллиардной, благо жена уехала на побывку к родственникам. И как-то сразу комиссионер стал симпатизировать Борьке, узнав его печальную историю. Дня три он водил юношу к себе ночевать, встречаясь с ним снова, по вечерам, в биллиардной. Но вернулась к комиссионеру жена, устроила и мужу и ночевавшему Борьке скандал, и пришлось юноше утром уйти, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

Кончился восьмой день ухода из дома. Был истрачен последний пятак, оставшийся от продажи, на той же толкучке, теплых кальсон и пары носок. И пока были эти вещи на Борьке, – не так холодно было сидеть на скамейке бульвара и ждать утра.

Но сегодня, когда настала полночь, и за Борькой захлопнулись двери закрывшегося трактира – неприветливо глянула на юношу суровая ночь. Сразу стало холодно и мокро, будто окунулся Борька в мутные волны реки. Слепо мигали фо-

нари улицы, прыгали капли дождя по панели, пахло в воздухе грядущим снегом и бил в лицо пронизывающий ветер.

Куртка на Борьке была короткая, форменная, воротничка нельзя было поднять, фуражка простая, русская, которую Борька променял, так как в форменной в трактиры не пускали. И, пряча руки в рукава, мечтая и жалея об оставшемся за спиной трактирном тепле, Борька неуверенно зашагал по улице, направляясь к вчерашнему бульвару. Шел долго, пересекая улицы, переходя площади. Мимо проходили запоздавшие пешеходы, одетые тепло, – в шубы. Проезжали извозчики, грохотал последний трамвай, сверкая цветными глазами. Изредка выскакивали из темной дали пыхтевшие автомобили, ныряя злобно в ночь...

Борька жалел, что у него не было денег на водку. Раньше, до ухода из дома, он ничего не пил и, только познакомившись с комиссионером, два вечера подряд храбро глотал белую жидкость, такую противную, казалось, на вкус. Но от нее разливалась приятная теплота по всему телу, а главное – не хотелось думать о будущем... И теперь вот Борьке было бы не так холодно, и предстоящая ночь на улице не казалась бы такой страшной...

Придя на бульваре, Борька примостился на скамейке, но сразу понял, что сегодня долго здесь не просидеть. Скамейка была сырая, мокрота проникала в тело, и Борьке начало казаться, что у него застывает кровь. Ветер стал ледяным, пронизывающим насквозь, и закружились назойливыми му-

хами над землей снежинки...

На темном бульваре, кроме Борьки, никого не было. На противоположном тротуаре тускло горели газовые фонари, и мимо них изредка шмыгали человеческие фигуры. И стены домов, на которые падал свет фонаря, казались белыми и застывшими, как лица покойников.

Борька начал усиленно вспоминать знакомых, к которым можно было пойти и хоть сегодня переночевать. Долго думал, но ни на ком остановиться не мог. Наконец, вспомнил женщину, которая в прошлом году жила на одной с ними лестнице. Она занимала с мужем – паспортистом из участка – квартиру из двух комнат с кухней, и постоянно бегала к мачехе Борьки, то за поленьями дров, то за чем-нибудь по хозяйству. Звали эту женщину Авдотьей Семеновной, была она не первой молодости, сильно пила и постоянно скандалила с мужем, человеком непьющим и безответным. Потом они как-то неожиданно съехали, и только после Борька узнал, что выселил их домовладелец за неплатеж. Один раз Борьке пришлось быть у них на новой квартире – посылала мачеха за сковородкой и скалкой, взятыми как-то Авдотьей Семеновной. Но жили они теперь в одной комнате, у Арбатских ворот, в глубине темного и грязного двора.

«Пойти разве к Авдотье Семеновне? – мучительно думал Борька, ежась от холода и сырости, – сказать... ну, что бы сказать?.. Да сказать просто, что выгнали из дома! Врать нельзя... вранье может напортить!»

Но вспомнил, что Авдотья Семеновна, перед выездом, поспорилась с мачехой, и в первый момент ему показалось, что из-за этого его не пустят. А затем пришел к выводу, что это еще лучше, и что Авдотья Семеновна, в пику мачехе, примет его и обогреет.

Борька встал и быстро пошел с бульвара. Идти пришлось минут двадцать, переходя улицы и прижимаясь к домам, где ветер был меньшей силы.

У дома, где жила Авдотья Семеновна, он простоял минут десять перед закрытыми воротами, все не решаясь позвонить. Ему казалось, что дворник не впустит его, такого мокрого и холодного, пришедшего в позднюю пору в незнакомый дом... На беду Борька забыл и фамилию Авдотьи Семеновны, а это было необходимо, на случай, если дворник спросит...

«Что же делать?!. Что же делать?!. – чуть не плакал Борька, стоя перед чугунной решеткой, – как ее, Боже... да как же ее фамилия?!»

Сплошными хлопьями шел мокрый снег, залепляя глаза, проникая за ворот куртки. И съездившийся от холода и волнения, с приподнятыми плечами и засунутыми в рукава руками, юноша походил на странную ночную птицу, прилетевшую неизвестно откуда и зачем на пустынную панель тротуара.

Мозг усиленно и безалаберно работал, мысли перескакивали с одной фамилии к другой.

Наконец, вспомнил и чуть не подпрыгнул от радости:

– Любарская!..

Сразу стало радостно на душе, исчезли все страхи и сомнения, и рука уверенно потянулась к звонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.